

*Анна
Нескучная*

СИНИЧКА

контракт на чувства

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Нескучная

Синичка. Контракт на чувства

<https://litres.ru/74404078>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мне нужны деньги, — говорю тихо, почти одними губами.
Мерзко просить именно у него

— А зарплаты, которую я тебе плачу мало? — спокойно отвечает он.

— Сколько?

— Сто пятьдесят тысяч евро. Я отдам, — тороплюсь. — Я буду работать и потихоньку отдавать, по частям. Я всё верну, может не сразу, но точно верну. Тараторю, потому что если замолчу, то просто развалюсь и расплачусь.

— Бабки меня не интересуют. Но, меня интересует на сколько далеко ты готова зайти, чтобы я тебе помог?

— Ты ты хотел меня? — слова выходят рваными, чужими. Я будто смотрю на себя со стороны. — Возьми. Только помоги моему брату, — голос уже ломается. Я больше не могу держаться, слезы катятся из глаз и обжигают щеки.

— Пожалуйста—плачу.

— Что, так не терпится отработать?

— Я уже поняла, что деньги вам не нужны, — голос дрожит, но я стараюсь держаться. — Мне больше нечего предложить.

— Деньги ты получишь сегодня. — Я хочу семь ночей.
Никаких «нет» или «не могу»
— Я..я согласна.

**Анна Нескучная
Синичка. Контракт
на чувства**

Глава 1-10

— Ну а у тебя как дела, Полин? — спрашивает тетя Лена, мамина подруга, усаживаясь за стол.

Я ловлю себя на том, что сердце вдруг сжимается. Всё нормально? Да, вроде бы...

Но на самом деле внутри одни переживания. Я ищу место для практики, и от этого зависит не только моя карьера, но и жизнь моей семьи.

— Всё хорошо, — отвечаю я, стараясь говорить спокойно. — Вот сейчас ищу место, где буду проходить практику.

Для меня сейчас это очень важно, потому что после практики я могла бы остаться на работе, а нам сейчас нужны деньги... Очень нужны.

— Так давай я сейчас Димке позвоню, он мигом для тебя местечко найдёт.—тетя Лена кивает смотря на меня, а в ее глазах понимание всей нашей тяжелой жизненной ситуации.

Димка это сын тети Лены и по совместительству мой друг детства.

Мы и в песочнице вместе играли и по гаражам бегали но... просить? Просить его мне не хотелось. Не люблю быть должной людям, даже друзьям.

Могла бы попросить и Еву. Она моя лучшая подруга. Зная ее, никогда бы не отказала помочь, смогла договориться с Демьяном. А он бы меня куда-то устроил, но не хочу.

У нее и так сейчас в жизни кошмар творится. И это похищение...вообщем отметаю эту мысль...

— Да как-то неудобно, тетя Лен, — вздыхаю, пожимая плечами.

—Так, неудобно штаны через голову одевать, а это нормально! Не чужие же люди, Полин.—улыбается она, отмахиваясь рукой, будто это все в порядке вещей и мы одна большая семья.

— Так, девчонки, давайте уже чай пить, — вмешивается мама. Пирог на столе стынет, а мы зависли тут.

— Данька, иди к нам! — зовёт мама брата.

Данька идёт из комнаты медленно, перебирая ногами. За голову держится. А у меня сердце кровью обливается, не могу видеть его таким.

Лицо бледное, почти белое. Глаза чуть опущены, как будто весь мир давит на него одновременно. Темные круги виднеются. Щёчки слегка запавшие, губы сжаты, плечи напряженные.

Бедный ребенок устал не только физически, но и от боли. От всего, что приходится ему терпеть.

— Мам... я не хочу, — тихо отвечает Данька, проходя на кухню.

Я смотрю на него, на его маленькое, но уже такое сильное, упрямое личико.

Ему всего десять лет, а он уже сталкивается с таким тяжёлым бременем. Аномалия сосудов головного мозга. Посто-

янные уколы, лекарства на которые нужно очень -очень много денег.

Всё это висит на маме, как тяжёлый груз.

Я сглатываю. Я хочу помочь ему, хочу облегчить его боль, хочу дать шанс на нормальную жизнь. И для этого мне нужна практика.

Надеюсь она потом перерастёт в работу. А где работа—там стабильный доход. Шанс на лучшее. И это еще один шанс на выздоровление.

Я вздыхаю и снова смотрю на тетю Лену. Она всегда старается нам помочь, она всегда на нашей стороне.

Пересиливаю состояние долговой обремененности и принимаю помощь.

— Ладно, если Димка сможет помочь, — тихо соглашаюсь я. — Буду очень благодарна.

Так и проходит наш вечер.

На следующий день мне звонит Дима, и я слышу в его голосе радость — меня берут!

Сам он работает системным аналитиком в крупнейшей корпорации нашего города.

Меня принимают на практику как помощника координатора в отдел планирования логистики.

Дима объяснил, что если я проявлю себя как добросовестный сотрудник, появится возможность повышения и обучения дальше, с реальным шансом построить карьеру в компании.

В груди всё сжалось от этой новости, смесь радости и страха разлилась по тела.

Димка добавил, что компания серьёзная, начальство строгое, а генеральный директор вообще человек непробиваемый, у него терпения мало, и он не прощает ошибок.

Мужик вроде и властный, и холодный, и мысль о том, чтобы случайно попасть ему на глаза, заставляет меня нервно сглотнуть.

Внутри всё напряглось, словно каждое движение мышц готовится к испытанию. Я боюсь сделать что-то не так, боюсь, что меня не примут всерьёз.

Сказал быть к началу рабочего дня как штык и не опаздывать .

И всю ночь я ворочаюсь, не могу сомкнуть глаз. У меня всегда так, перед ответственными событиями сон уходит напроочь.

Смотрю в темноту и ловлю каждую мелочь, каждое ощущение, будто пытаюсь подготовиться ко всему сразу. Сердце стучит быстрее, а мысли не утихают.

Шансов больше нет нельзя допустить ни одной ошибки, ни одного промаха на практике, чтобы меня заметили.

Я должна быть сильной. Данька болеет, и нам нужны деньги, как воздух.

— Нельзя показывать слабость, нельзя дрогнуть, нельзя позволить страху управлять мной.—шепчу я себе.

Я повторяю себе: «Я справлюсь. Я должна. Другого пути

нет». И с этими словами засыпаю...

Глава 2

Резко распахиваю глаза и вскакиваю, сердце уже бьётся быстрее обычного.

Просыпаюсь за пару минут до будильника. Организм будто сам понимает, что права на промах у меня сегодня нет.

Начинаю собираться.

—Опаздывать нельзя, Полина!—говорю себе под нос.

Вообще. А особенно сегодня.

Выбираю белую блузку и строгие тёмные брюки. Буду выглядеть сдержанно, аккуратно и по-деловому, чтобы не придрались. Одеваюсь, привожу себя в порядок. Делаю лёгкий, почти незаметный макияж. Немного туши, чтобы глаза выглядели бодрее, губы по контуру подкрашиваю карандашом цвета пыльной розы, и чуть блеска.

На улице тепло, поэтому надеваю лёгкий пиджак и выхожу раньше, чем нужно.

Лишние десять минут спокойствия такая роскошь для меня, особенно сегодня.

С недавних пор я добираюсь везде сама, на метро и автобусах. Машинку, что папа оставил перед тем как ушёл, мы продали.

А все деньги ушли на лечение Даньки.

Я привыкла не считать это потерей, хотя очень любила свою ласточку. Но надо считать это просто необходимостью.

Семья ведь важнее всего. Лишь бы Даня поправился.

Дорога занимает немного времени. Сегодня утром пробки всего 4 балла, поэтому уже через полчаса я стою перед огромным зданием компании.

Оно возвышается надо мной как настоящий стеклянный гигант. Такое высокое, с блестящими окнами, которые отражают утреннее солнце.

Ловлю себя на мысли, что оно похоже на небоскрёб из фильмов. Современный, безупречный и холодный, наверное как и его хозяин.

Вместе с ним воздух становится северным и строгим.

Оглядываюсь вокруг и сглатываю. Люди вокруг движутся быстро и уверенно. Точно знают куда идут.

А у меня внутри такое чувство, будто надвигается буря.

Настраиваю себя на лучшее, ведь я не пришла сюда бояться, я пришла работать.

Прохожу внутрь. Огромные стеклянные двери мягко разъезжаются, и меня будто втягивает в другой мир-отстраненный и замкнутый.

Пост охраны стоит прямо напротив входа. Прямо на меня уставились двое здоровенных бугаев в строгих костюмах, плечи шире дверного проёма, лица каменные, будто их сюда надзирателями работать пригласили. Ни тени улыбки. Только внимательные тяжелые взгляды, от которых по коже пробегают дрожь.

Турникеты блестят металлом, оборудованные сканерами

и маленькими экранами, на которых бегут какие-то системы доступа. Всё вокруг напоминает не просто офис, а режимный объект, куда вход только по особому разрешению.

Да, Полина тут и мышь без спроса не проскочит. Мелькает мысль моей в голове. Я автоматически сглатываю. Пальцы уже сжимают ручку сумки сильнее, чем нужно.

Подхожу ближе, чувствуя, как сердце стучит где-то в ушах. Один из охранников устремляет на меня свой тяжёлый взгляд и я не моргая называю свою фамилию, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Охранник проверяет что-то в планшете, кивает и протягивает временный пропуск.

— Вам на шестнадцатый этаж. Отдел логистики. Лифт сразу справа.

— Спасибо... — выдыхаю я, хотя по ощущениям воздуха в лёгких почти не осталось.

Перехожу к лифтам, чувствуя на себе их настороженные взгляды, и только когда двери лифта закрываются за моей спиной, наконец получается нормально отдышаться.

Лифт плавно поднимается на нужный этаж и уведомляет меня характерным звуком.

На выходе меня встречает женщина — и первое слово, что приходит в голову — «совершенство».

Она напоминает мне Миранду из фильма «Дьявол носит Прада». Вся такая утонченная и одета с иголочки. Строгий дизайнерский костюм, идеально сидящий на фигуре. Корот-

кая стрижка, где каждый волосок на своём месте, ни одна прядь не выбивается.

По мне скользит оценивающий взгляд темных глаз и я невольно съёживаюсь. Женщина одаривает меня вежливой, но холодной улыбкой.

— Добрый день. Вы, наверное, Полина?

— Добрый день... да, — отвечаю я робко, а сама чувствую как ладони мгновенно покрываются потом.

— Я—Регина Владимировна, начальник отдела логистики.— она разворачивается, и я поспешно иду за ней.

— У нас отдел дружный, но дисциплина прежде всего.

Пока Регина Владимировна знакомит меня с отделом, я ловлю себя на том, что сердце колотится чуть быстрее обычного, а ладони уже совсем холодные .

Все вокруг такие уверенные, быстрые и точно знают , что делают. От этого я сама начинаю чувствовать себя немного растерянной.

Но одновременно это все интересно, ведь я впервые оказалась в такой большой компании, где всё строго, но в этом строгом порядке есть своя логика, и это даже завораживает.

Пока мы проходимся по территории, сотрудники кивают мне, улыбаются вежливо, но сразу же возвращаются к своим делам .

Я смотрю на их экраны, на эти кипы папок, телефоны, и стараюсь запомнить как можно больше того, что говорит Регина Владимировна.

Какие вопросы задавать перевозчикам?

Как оформлять заявки?

Какую информацию уточнять в маршрутных листах?

Кажется, что если хоть на секунду отвлекусь, то потеряюсь в этом потоке информации.

Через десять минут я уже сижу за столом, судорожно вчитываюсь в должностные инструкции.

А после, сама звоню перевозчикам и сверяю маршруты. Сначала слова застревают в горле, но с каждым новым звонком они становятся привычными, уверенными.

Делаю пометки в блокноте, переписываю инструкции, чтобы не забыть. Кажется, весь отдел работает как часы, а я только учусь ловить ритм.

К концу дня я уже чувствовала легкую усталость. Немного расслабилась, даже дышать стала более ровно, а в груди поселилось лёгкое удовлетворение.

Я справилась с первыми рабочим днем, пусть где-то и медленно, но с желанием и вниманием.

А дальше новый день и надежда, что завтра меня уже ждёт много интересного, с этими мыслями я еду домой...

Глава 3

Уже почти неделя прошла с того дня, как я начала практику. И вроде бы всё хорошо, и коллектив приятный, никто не кусается, никто не делает мне подлянок.

Работу дают посильную, и даже кофемашина тут варит вкусный кофе. Но меня всё равно не покидает странное чувство.

Прямо под лопатками свербит. Как будто вот-вот что-то случится. Не знаю что, но пятой точкой чувствую что-то... нехорошее.

Пару раз к нам заходил Димка, хотел проверить как я тут. С таким заботливым видом, будто я школьница, а он мой классный руководитель.

Я тогда улыбнулась, когда он пришел. Но подумала: «Не дай бог он решит поговорить с начальством за меня ещё раз». Я и так тут чувствую себя как на экзамене.

Но в целом... да, мне правда понравилось. Если бы была возможность, то я бы с удовольствием осталась работать. Даже какая-то уверенность появилась, вроде бы пока справляюсь.

Всю неделю я выполняла поручения, обзванивала перевозчиков, перепроверяла маршруты, писала письма.

И, кажется, даже неплохо, потому что вчера меня похвалила сама начальница отдела. А для меня это похвала была

словно медаль.

Сегодня, я сижу и обзваниваю филиалы компаний, сверяя адреса, и чувствую себя уже не такой потеряшкой, как в первый день.

— Полина Викторовна, зайдите пожалуйста, в мой кабинет. — бросает Регина Владимировна и идет дальше к себе не останавливаясь.

Она мне напоминает снежную королеву. Спина прямая. Такая статная женщина, будто вся выточена из льда.

От этих слов у меня внутри что-то падает. Тяжёлое. Ну всё... приехали—думаю про себя.

По её лицу вообще не ясно, что она думает, но радости там точно нет. Значит, что-то не так. Может, я неверный адрес записала? Или письмо неправильно отправила? Или... да мало ли!

— Наша мадам сегодня не в духе, — шепчет Арина, поднимая брови так, будто вот-вот свистнет. Она сидит за своим столом напротив меня и делает такое лицо, словно сейчас поднимет вверх табличку на которой жирными буквами написано «Беги».

— Что она хочет от тебя, Поля?

— Вот сейчас и узнаем... — выдыхаю я, отодвигаю стул и поднимаюсь. Ноги будто ватные.

Проходя мимо Арины, наклоняюсь к ней и добавляю:

— Если я исчезну — ищи меня где-нибудь в подвале.— пытаюсь отшутиться.

Она фыркает, но взгляд у неё сочувственный.

Я иду к кабинету начальницы и чувствую, как сердце уже бьётся где-то в горле и руки начинают подрагивать. Очень хочется верить, что меня не будут ругать. Очень. Прямо отчаянно.

Но судя по лицу Регины Владимировны, моя надежда такая же хрупкая, как тонкий лед весной.

Вот так одной фразой она мне уже давление подняла.

Иду на негнущихся ногах в её кабинет, и как только за мной закрывается дверь, нервно сглатываю.

Ладони опять влажные, будто я не стажёр, а школьница, пришедшая на «ковёр» и сейчас меня будут журить за плохое поведение.

Ну ничего, Поля, дыши... может, это просто формальность. Хотя вот это «просто» в её лице не читается.

Регина Владимировна сидит за столом, прямая, как линейка, и смотрит на меня своими холодными, очень внимательными глазами.

Ну всё... приплыли. Сейчас скажет, что я что-то перепутала, кого-то не туда отправила, кому-то не туда позвонила, и на этом моя блестящая карьера стажёра длиной в неделю закончится.

Но она неожиданно складывает руки на столе, вздыхает и говорит:

— Полина, я наблюдала за вами эту неделю. Вы показали себя с очень хорошей стороны.

У меня внутри что-то хлопает, как если бы меня неожиданно облили тёплой водой.

С хорошей стороны? Я?

— Спасибо... — выдыхаю я, и голос выходит тише, чем планировала.

— И в связи с этим у меня есть к вам предложение, — продолжает она, но также смотрит мне прямо в глаза.

О господи, от этой фразы у меня автоматически сжимается живот. Что там за предложение такое?

— У нашего генерального директора... — начинает Регина.

И у меня в голове сразу всплывают слова Димки:

«Генеральный вообще зверь. Властный, холодный, а терпения вообще минус ноль. Ошибок не прощает...»

— ...секретарь ушла в декрет, — спокойно говорит Регина, будто не знает, что я сейчас переживаю всю жизнь заново. — Срочно нужна замена. Человек требуется ответственный, внимательный, умеющий работать в режиме многозадачности. Мы посоветались и решили, что предложим эту позицию вам.

Ощущение такое, будто меня проезжающая машина окатила грязной водой из лужи. Я почти ее не слышу. Внутренности уже летят в пропасть.

Гулко сглатываю, а она продолжает:

— Работа сложная. Требовательная. Директор человек строгий. Но справедливый. Очень умный и чуткий мужчина.

На то он и глава компании. Если вы будете дисциплинированы, он это оценит.— говорит, так будто последнее слово подчеркивает.

— Это большой шаг для вас, Полина. Хорошая практика, и она будет оплачиваемой. И, если справитесь, то и характеристика будет отличная.

Оплачиваемой. В голове шум, как будто кто-то подошел и над моим ухом в бубен ударил. Мне будто воздух перекрыли.

Значит... значит, я смогу начать больше помогать Даньке.

Смогу оплачивать ему уколы.

Смогу хоть немного разгрузить маму.

Смогу... стать полезной.

Мне будто кто-то пальцем дотронулся до самого больного места. Данька. Его лечение, эти бесконечно дорогие уколы, на которые у мамы уже сил нет смотреть.

Если мне будут платить... пусть даже немного, но это уже что-то. В груди загорается огонек надежды.

Мне хочется сказать «да» сразу, даже не думая, но я понимаю, что это будет выглядеть странно.

Да и Регине я не собираюсь рассказывать, что мне очень нужны деньги, и что для нашей семьи каждая копейка на вес воздуха.

— Я... согласна.— говорю, стараясь не выдать эмоции и быть сдержанной.

Регина удовлетворённо кивает и уголки ее губ слегка приподнимаются в подобии улыбки.

— Отлично. Сегодня вы заканчиваете в этом отделе, а завтра вас проводят в приёмную, и познакомят с обязанностями.

Выхожу из кабинета, а ноги будто бетоном залиты.

Даже идти по коридору сложно. Голова идет кругом, ладони вспотели, и я до сих пор не могу поверить, что мне только что предложили стать секретарём самого генерального.

Да ещё и платят за практику. Платят! Мне.

Девочке, которая две недели назад думала, что максимум сможет разливать кофе по отделу логистики.

Я иду по коридору как в тумане, вот только шагаю, а ощущение, будто плыву.

Внутри всё перевернуто с ног на голову. Радость, страх, надежда, и снова страх... и где-то там скребет маленькое желание разреветься и лучше пусть никто этого не увидит.

— Ну что там? — шепчет Арина, вскидывая брови, и они в миг скрываются по ее челкой. Она чуть ли не подпрыгнула в кресле, когда меня увидела.

— Меня... переводят в приёмную. На место секретаря, — выдыхаю я.

На лице Арины появляется такое выражение, будто я сообщила ей, что завтра меня будут сжигать на костре.

— Ооо, ну ты и попала, подруга. Ты хоть знаешь, кто он?

Я молча качаю головой. И мне становится ещё хуже, потому что Арина берёт паузу, как перед рассказом страшной—страшной истории.

Я сажусь за свой стол, потому что если сейчас не сяду я точно упаду от страха.

— Он... ну... — она делает руками странный жест, будто пытается кого-то изобразить. — Он конечно убийственно красивый, да. Но характер... Господи, характер у него такой, что у людей кровь в жилах стынет. Кто его слушается, вылетает мгновенно. И это ещё самое безобидное.—наклоняется над столом и говорит почти шепотом.

У меня внутри что-то снова падает. И это уже не так, как было в кабинете у Регины. Тут похлеще.

— Говорят, он однажды прострелил колени своему охраннику за неповиновение, — доверительным шёпотом добавляет она.

Я чуть не давлюсь воздухом.

— Что?!

— Ну... — она пожимает плечами. — Поговаривают. Может, и слух... но у него рожа такая, что и не в такое поверишь...И как его секретарша с ним работала — ума не приложу.

—Короче... не человек, а деспот какой-то.—добавляет Арина, а я все молчу.

Паника оплетает мое тело, но как говорится поздно пить Боржоми, когда почки отказали.

Сознание шутит надо мной. Черт. Ну какого хрена, а? Ну как тебя так угораздило? -спрашиваю себя.

В ушах бьет пульс и я больше не слышу Арину. Я слышу

только внутренний голос, который говорит:
«Ты уже согласилась и назад пути нет»...

Глава 4

Захожу в лифт, двери мягко смыкаются, и я остаюсь один на один со своим бешеным роем мыслей. Они мечутся, как птицы, которых выпустили не в то окно. Назад нельзя, а вперед страшно.

Шестеренки скрипят, пытаюсь прожевать завтрашний день, слова Регины, и... конечно же Ариныны страшилки.

Ну вот как вообще такое возможно? Прострелить колено человеку. Это же... не какой-то фильм, это ужас. Становится холодно, как будто кто-то окно открыл. Автоматически плечи поджимаю.

Тут же вспоминаю Регину, она ведь ни словом не обмолвилась о подобном.

Наоборот, говорила спокойно, уверенно. Строгий, да, требовательный тоже да, но справедливый. И ее слова звучали так уверенно, что я почти поверила.

А Арина... она же сама сказала, что «слухи ходят». Слухи — дело такое, кто-то сказал и понеслось. Может и правда всё это преувеличение. Может никто никому ничего не простреливал...

Лифт дергается, приостанавливается на двенадцатом этаже, створки расползаются и внутрь заходит несколько человек. Затем металл снова смыкается, кабина двигается вниз, и в ту же секунду меня накрывает волной...

Резко, будто удар в грудь.

Я сглатываю, но горло тут же перехватывает.

Это он.

Боже... это его запах. Воздух рвет мне легкие.

Неуловимо- резкие нотки табака и цитруса , переплетаются воедино. Его парфюм не спутать ни с чем. Смесь, которая однажды уже парализовала меня в его темной машине , когда он лез мне под юбку и шептал мерзкие вещи.

Тот день, как ожог.

И сейчас этот запах, как сорванный пластырь с раны . Больно, резко и без предупреждения. Сердце начинает колотиться так громко, что кажется его слышат все вокруг.

Кровь гудит в ушах, липкий холод растекается по коже.

Он стоит позади. Я в этом почти уверена. И именно от этой уверенности становится еще хуже.

Меня пронизывает ужас . Проблема в том, что лифт сквозной, но я не могу повернуться. Тело словно залито свинцом. Ноги ватные, но приклеены к полу.

Я не могу вдохнуть. Не могу даже моргнуть.

Паника взбирается по позвоночнику, как ледяная рука, пробираясь под кожу.

Каждая клетка кричит—« Беги!»

Но бежать некуда. Я заперта в металлической коробке, в нескольких сантиметрах от человека, которого боюсь до судорог в животе.

Может, я ошиблась? Может, это просто чей-то похожий

парфюм? Господи, пусть это будет так. Пусть, пожалуйста...

Лифт едет вниз мучительно долго, как будто специально смакует мою беспомощность. Кабина дёргается на шестом этаже, двери открываются и я слышу шаги, кто-то выходит.

И я молюсь, честно, так молюсь, что аж пальцы на руках немеют. Пусть и он выйдет, пусть это был просто похожий запах, просто совпадение или игра моего перепуганного мозга.

Двери закрываются. Лифт снова приходит в движение и ровно в этот момент, будто сама судьба решила надо мной поиздеваться, я слышу над самым ухом низкое, растянутое до боли знакомое:

— Ну привет, синичка...

Меня прошибает холодом так резко, что диафрагму сжимает, в животе всё проваливается, а про колени я вообще молчу, они сами уже подламываются.

Боже... это он.

Это он.

Но, как? Почему? Что он здесь забыл? Он же бандит. А бандиты не работают в таких компаниях. Я даже не знаю чем они занимаются. Они где-то свои темные дела решают.

Так какого чёрта он стоит сейчас прямо за моей спиной?

Лифт резко останавливается. Не мягко, не плавно, а как-будто по тормозам ударили. Я вздрагиваю и автоматически разворачиваюсь, и первое, что вижу на панели горит стоп.

У меня будто сердце падает вниз. Гулко, тяжело.

Сглатываю, но горло сухое, как наждак.

Глаза поднять на него не могу, веки свинцом налитые. Я и шагнуть бы не смогла, даже если бы мне предложили бежать за миллион долларов.

Только он двигается. Спокойно так. Делает шаг ко мне и я инстинктивно назад отхожу. Хоть куда-то. Хоть на сантиметр. Лишь бы между нами была хоть какая-то дистанция.

Боже... почему человечество не придумало еще телепорт? Мне он сейчас так нужен...

Пусть бы я просто исчезла, провалилась, растворилась, испарилась. Да куда угодно, только бы подальше от него.

Лишь бы не чувствовать его близко. Лишь бы не слышать его дыхание. Лишь бы не ловить его тяжелый запах, от которого у меня тогда всё внутри сжалось в панический ком.

— Не очень ты любезная, синичка, — лениво бросает Рустам. — Даже не здороваешься?

Я слышу усмешку. Раскатистая такая, самодовольная. Да он развлекается здесь. Получает удовольствие от того, что я тут сейчас на панике стою.

Голова такая пустая, что наверное если по ней постучать можно услышать характерный звук. Весь словарный запас просто улетучился. Остался один единственный вопрос, пробившийся и без того пересохшего горла:

— Ч... ч-что тебе нужно?

Глава 5

Он делает ещё один шаг . Медленный и такой уверенный, как будто ему принадлежит не только этот лифт, но и воздух, которым я дышу.

Я тут же отхожу назад, пока спиной не чувствую холод металлической двери, будто она специально отрезала путь к моему спасению.

И тогда, против своей воли, я поднимаю голову и встречаю его взгляд.

Чёрный. Настолько чёрный, что кажется в нём можно утонуть, раствориться без следа. Ни единой мягкости, только глубокая, ледяная уверенность хищника, который уже знает, как расправиться со своей жертвой.

Ладони моментально вспотевают, как будто я держу раскалённый уголь. Сердце грохочет так, что я почти слышу его ударами собственный страх. В груди всё сжимается, дыхание сбивается, в горле встает огромный колющий ком.

Господи... он словно вырастает надо мной ещё выше, ещё шире. Чувствую рядом с ним себя маленькой мухой. Прихлопнет и забудет.

Да ему явно в таких лифтах ездить нельзя, он половину занимает своим телом. Половина кабины – это он.

Массивные плечи, широкая грудь. С таким габаритом тут влезут максимум двое... если он конечно позволит. Сдержи-

ваю смешок.

Ловлю себя на том, что просто смотрю на него слишком долго, слишком беспомощно. Будто этот взгляд держит меня за горло. И если я моргну он приблизится ещё сильнее.

Белая рубашка натянута на его торс так, что кажется, вот-вот треснет по шву.

Ткань обтягивает каждую линию тела, подчеркивает каждую мышцу. Брюки из тёмной, дорогой ткани скрывают остальное, но и так понятно, передо мной машина.

Рустам медленно поднимает руку, будто нарочно, чтобы я успела сойти с ума. Кладёт ладонь мне на шею, но не сжимает. Просто касается. Легко. Но от этого прикосновения меня пробивает током.

Большой палец скользит вниз вдоль горла, медленно, лениво, потом так же плавно поднимается вверх... и снова вниз. Я теряю способность дышать. Будто воздух стал густым, как сироп, и застрял где-то в груди.

Вторая рука ложится властно на талию, и в следующее мгновение он резко притягивает меня к себе. Мои ладони дрожат, колени подкашиваются.

По коже вспыхивает стая мурашек, так острая, что почти больно. По позвоночнику стекает горячая капля пота, словно кто-то провёл раскалённой спицей. Сердце бешено тарабанит в груди, как птица, бьющаяся о решётку клетки. Вот реально как синичка.

Черт бы его побрал.

Пряный теплый аромат его парфюма опаляет мои рецепторы и я быстро моргаю.

—Отпусти... — выдыхаю я, едва слышно. Голос так сильно дрожит, как будто кто-то выжал из меня все силы до последней капли. Я даже громче сказать не могу, горло стянуто страхом.

—Нет, синичка, — склоняется над моим ухом и произносит низко, почти спокойно. — Мы даже не начали. И я так и не получил в прошлый раз то, что хотел. А мне от его слов становится невыносимо страшно.

Он... он хочет продолжить начатое тогда в машине? Изнасиловать меня? Меня буквально парализует мысль, на что он сейчас способен.

Но в следующую секунду, будто из ниоткуда, во мне вспыхивает паника, переходящая в ярость. Может это инстинкт самосохранения.

Я зажмуриваюсь и начинаю молотить кулаками куда попало : грудь, плечо, лицо. Не вижу, не думаю сейчас. Главное — вырваться. Лишь бы он отпустил. Лишь бы не прикасался. Лишь бы это всё прекратилось.

Его рука взлетает вверх и он одним движением перехватывает оба моих запястья. Огромная ладонь полностью закрывает мои руки, будто я ребенок. Он поднимает их вверх, прижимая к стенке лифта. А я продолжаю дергаться и извиваться, пытаюсь ударить ногой попадаю ему по бедру, но он даже не вздрагивает.

—Пусти! — кричу я уже в голос, сорвано, отчаянно. Сердце гремит так, что кажется трясется и лифт.

Он наклоняется ближе, и его дыхание касается моей щеки. Горячо, уверенно, слишком спокойно для того, что происходит.

—Кричи сколько хочешь, — произносит он медленно, чеканя каждое слово. — Всё равно трахну тебя.—и опять эта усмешка.

Он давит на мой страх, смакуя мою панику. И именно это пугает сильнее всего.

Я даже моргнуть не успеваю, как он резко наклоняется и его губы врезаются в мои. Захватывает меня в свой плен. Мнут, буквально истязают меня.

Инстинкт вспыхивает и я вцепляюсь зубами в его нижнюю губу. Чувствую металлический вкус крови на языке. Меня саму передёргивает от ужаса. Но он не отстраняется. Не вздрагивает. Только еще сильнее вдавливая меня спиной в холодную дверь лифта, будто хочет вплавить в металл.

— Резвая сучка, — рычит прямо в мои губы, дыханием обжигая кожу.

И сразу новый удар поцелуя, как хлыстом по коже. Грубее. Яростнее. Мужчина вламывается в мой рот языком, как будто штурмует крепость. Давит, таранит, не оставляет мне ни пространства, ни воздуха. Я издаю глухой, бессильный звук то ли протест, то ли отчаяние.

А в ответ получаю жесткое наказание. Он кусает мою ниж-

нюю губу, болезненно, почти зверски и тут же проводит по ранке языком, словно зализывает след собственного укуса.

Мир плывёт. Теряется. Сгорает. Тело не слушается, а по коже бегут раскалённые волны. Живот наливается горячей, тяжелой дрожью, будто где-то внутри меня внезапно включили огонь. И от этого становится только страшнее.

Нет. Нельзя. Полина, опомнись.

Я резко трясую головой, пытаюсь сбросить это липкое, парализующее наваждение.

Рывком выдёргиваю одну руку из его хватки и вслепую, на ощупь, ударяю по панели. Кнопка моментально срабатывает, приводя лифт в движение. «Мамочки, это спасение» — думаю про себя, но ему выдаю:

— Н...нет... хватит... — выдавливаю почти беззвучно. Но это уже не мой голос. Он сорванный. Хриплый. Почти чужой.

Но мужчина меня не слышит. Или не хочет слышать. Его пальцы смыкаются на моих предплечьях, удерживая меня на месте. Сильно. До боли. До онемения. Я чувствую, как его ладони прожигают кожу там точно останутся следы. Синяки. Метки.

Лифт дергается и встает на каком-то этаже.

В ту же секунду Рустам отстраняется от меня, будто между нами ничего и не было.

Его лицо — пустая маска, ни единой эмоции. Двери распахиваются с моей стороны, и внутри меня что-то щёлкает.

Мозг кричит: «Беги»

И я срываюсь с места.

Я выбегаю из лифта, даже не пытаюсь понять, где я. В коридоре гулко отдается эхо моих каблуков, и от этого звук кажется слишком громким. Вдалеке вижу над дверью зеленый значок. Это запасной выход. Мое спасение.

Я не иду. Я буквально лечу вниз по лестнице, почти падая, цепляясь за перила.

Сердце колотится так, что хочет вырваться наружу.

Я боюсь обернуться. Боюсь увидеть его силуэт. Боюсь встретиться с этим животным взглядом, который прожигает насквозь. Боюсь, что он все-таки побежал за мной.

Каждую секунду мне кажется, что он уже рядом. Что его шаги звучат над головой. Что рука вот-вот схватит меня за запястье.

Спускаюсь до первого этажа и распахиваю дверь. Свежий воздух бьет в грудь, как пощечина. Выскакиваю на улицу, почти спотыкаясь. Оглядываюсь, но никого не вижу. Значит он не побежал за мной?

И только тогда до меня доходит, я дрожу. Ладони холодные, дыхание рваное.

Я делаю шаг к автобусной остановке, будто это единственное безопасное место в мире.

Фух... Кажется, я оторвалась. Но внутри как-то еще скребет страх, а вдруг — нет...

Глава 6

Даже не помню толком, как добралась до дома.

До сих пор перехватывает дыхание. В голове всплывают отрывки наших прикосновений. Его руки на моей талии, грубая хватка, прожигающий взгляд.

И... как он меня целовал. От этой мысли снова бросает в жар.

Открываю дверь своим ключом.

Из кухни как всегда веет теплым, вкусным ароматом. Похоже мама жарит блинчики.

Прохожу вглубь квартиры и иду на запах.

— Привет, дочь. Поздненько сегодня, — мама стоит у плиты и переворачивает блин.

— Пришлось задержаться, — отвечаю ровно, стараясь не выдать, что у меня в голове вообще не про работу. Пока мою руки, мысленно бурчу «ага, задержалась... если бы один придурок не лапал меня, я была бы дома намного раньше. Еще и автобус пропустила из-за него».

Беру горячий блин прямо с пылу с жару, и тут же обжигаю пальцы и язык.

— Ай! — шиплю, но всё равно кусаю, втягивая воздух, чтобы остыл.

Мама смотрит так, будто мне снова лет десять.

— Меня переводят на должность секретаря генерально-

го директора.—говорю я, облакачиваясь на кухонный гарнитур.

— Ого. — она поднимает брови. — Блинчики не убегут. Иди переоденься сначала, а я чай налью. Потом всё расскажешь.—быстренько выпроваживает мама.

Переодеваюсь в домашний костюм. Возвращаюсь, а стол уже накрыт .

— Так, — мама складывает руки. — Что за секретарская история? Ты же вроде на практике пока.

— Девушка, которая работала, уходит в декрет. Некому заменить. Предложили мне. Сказали даже платить будут и характеристику хорошую дадут.

Глотаю чай, чтобы спрятать выражение лица. Сразу вспоминаю слова Аринки про «деспота-начальника», и внутри что-то холодеет.

— Но? — мама прищуривается.

— Что «но»? — делаю вид, что не понимаю.

— Дочь, — она смотрит внимательно, — я же тебя насквозь вижу. Что тебя тревожит?

Мы действительно с мамой очень близки. Она всегда поддерживала мои начинания и никогда не осуждала.

Деже все мои подружки ее любят. Она у нас одна такая. Единственная, которая за своих детей и в огонь и в воду. На себе все тащит, и даже после папиного ухода она не опустила руки, она знала что у нее есть мы. Я и Данька. Да она землю рвать будет ради нас.

— Говорят, что директор строгий и... ну... деспотичный. Я переживаю, что не сложится. Уже завтра выходить.

Мама сразу напрягается.

— Если ты не хочешь — не нужно. Ещё успеешь наработать.

— Мамуль, я решила. Нам сейчас любые деньги нужны. Ты и так пашешь без продыху за троих, а хто хоть что-то , — беру её руку.

— Деньги сейчас и правда нужны. Сегодня позвонил Петр Алексеевич, и сказал что этих уколов уже не достаточно. Нужно заказывать другие, еще дороже .—вижу как ее взгляд поник.

И теперь у меня просто нет пути назад. Она вздыхает, мягко сжимая мою ладонь.

— Скажу так Поля, в любом коллективе слухов полно. Пока сама человека не увидишь, верить чужим словам не стоит. Попробуй, а там уже решишь.—обнимает меня крепко, так по-родному, как умеет только она.

После ужина с мамой я плетусь в ванную. Хочется просто смыть с себя весь этот сумасшедший день вместе с чужими руками, поцелуями и этим липким страхом, что до сих пор сидит под кожей.

Тёплая вода немного успокаивает, но мысли всё равно скачут, как бешеные.

Ложусь на кровать. Время почти двенадцать.

Переворачиваюсь с боку на бок, а сна ни в одном глазу.

То вспоминаю слова про «страшного деспота-шефа», и в животе холодно. То опять всплывает этот чертов Рустам и его стальная хватка, обескураживающая близость и этот проницательный взгляд.

Злость смешивается с каким-то непонятным дрожащим чувством, от которого хочется просто исчезнуть.

— Хватит, — шепчу сама себе и накрываю лицо подушкой, будто так можно заткнуть мысли.

Ах, если бы было всё так просто.

Лежу просто в полной тишине. Комната темная, только часы тихо тикают. Меня это видимо успокаивает и тело наконец сдаётся, мысли расползаются в туман, и я проваливаюсь в сон...

Глава 7

Добегаю до офиса запыхавшись, будто за мной стая собак гналась.

Сегодня я почти проспала, поэтому пулей вскакивала с кровати. Быстро оделась, кое-как накрасилась, привела в порядок волосы и выскочила из дома.

Позавтракать естественно не успела, только стащила у мамы чашку кофе и выпила её буквально на бегу, обжигая язык и внутренности.

И вот я почти подбегаю к лифту. Возле него уже толпятся несколько сотрудников, и среди них — Регина Владимировна. Отлично, блистательное начало дня.

— Здравствуйте, — выдыхаю, пытаюсь вернуть себе человеческий вид.

— Доброе утро, Полина Викторовна, — отвечает она неожиданно мягко и даже улыбается. Значит, сегодня она в настроении, и ей не хочется убивать людей взглядом, а это уже хорошо.

— Вам на восемнадцатый этаж. Там приёмная господина Алиева. Он уже предупреждён и лично введёт вас в курс дела.

Я лишь переминаюсь с ног на ногу, когда мы заходим в лифт.

Кабина стремительно начинает подниматься, как и во мне

паника.

Господи, хоть бы не налажать в первый же день. Может, мама права? Сначала нужно увидеть человека, а уж потом судить.

А я, как дурочка, накрутила себя заранее. Но почему внутри испуг? Почему сердце стучит, как будто я сдаю экзамен на выживание?

Лифт звенит, показывая восемнадцатый этаж.

У меня перехватывает горло, приходится сглатывать этот тяжёлый ком.

Двери начинают разъезжаться в стороны медленно, будто нарочно издеваются.

Ладони вспотели до безобразия. Но отступить уже некуда. Надо выходить. И я делаю шаг вперёд прямо в неизвестность.

Иду по длинному коридору, как по бесконечному тоннелю. По бокам — двери, двери, двери... Ни одной живой души.

Только звук собственных шагов и бешеный стук сердца, который кажется, слышно на весь этаж.

У самого конца коридора видимо мой будущий рабочий стол. Всё слишком аккуратно. Стопка папок, аккуратная подставка для ручек, а монитор блестит и на нем ни единой пылинки.

Видимо, предыдущая секретарша была аккуратисткой, поэтому за то и доработала до декрета. Осматриваюсь вокруг и по пути замечаю приоткрытую дверь. Любопытство силь-

нее меня и я заглядываю. Попадаю в мини-кухню, но она такая уютная, будто из картинки: кулер, аккуратный холодильник, огромная новейшая кофемашина, которая наверняка умеет готовить всё — от латте до моего спасения.

Да, кофе в этом офисе и правда вкусный!

Возвращаюсь в приёмную. Последняя дверь - кабинет директора.

«Ну всё, Поля, давай»-говорю мысленно себе.

Сейчас увидишь того самого деспота. Не забывай хоть дышать. И стой прямо, а не как будто сейчас выйдешь в астрал.

«Сейчас или никогда»!

Стучу. Жду секунду, она кажется вечностью. Вдох. Открываю дверь.

Кабинет оказывается пуст.

Но от этого мне не легче, а наоборот становится как-то... странно.

Я захожу внутрь и останавливаюсь. Первые секунды просто смотрю, открыв рот. Кабинет потрясающий, как из фильмов. Огромные панорамные окна, а сквозь них льётся мягкий утренний свет. Он ложится на мебель и это создаётся ощущение тепла, уюта... и скрытой власти одновременно.

Я делаю несколько шагов.

Передо мной — массивный черный стол и столь же массивное кожаное черное кресло, они будто сами притягивают мой взгляд, гипнотизируют.

По левую сторону — шкаф с книгами и какими-то папка-

ми.

Там точно лежат бумаги, которые я буду видимо разбирать ночами, если не убегу отсюда в первые же дни. Издаю тихий смешок.

Рядом — большой кожаный диван. На нём так и хочется раскинуться после тяжёлого дня... но я ему точно не по статусу.

В этом шикарном кабинете пахнет свежестью, чистотой и дорогой кожей. И чем-то мужским, едва уловимым как аромат, который носит уверенный в себе человек. Слишком уверенный.

Справа — закрытая дверь. Может, директор там?

Я делаю шаг в ту сторону, собираясь постучать, но в этот момент дверь кабинета резко распахивается и тот кого я вижу меня подвергает в шок...

Глава 8

Меня как будто током ударили сейчас.

— Ты... — я вздрагиваю, словно меня облили из ведра холодной водой.

Он закрывает за собой дверь, не отводя глаз. Этот взгляд прожигает, будто он заранее знал, что я так отреагирую.

— Сюрприз, синичка, — голос низкий, спокойный, слишком уверенный. — Добро пожаловать на новое место работы. — слегка улыбается, будто скалится.

У меня внутри всё поднимается волной паники, как будто лифт снова падает вниз.

Не может быть. Вот просто... не может.

— Я не буду здесь работать, — выпаливаю сразу. — Нет... Все, спасибо... До свидания.

Ноги ватные, но я всё равно пытаюсь рвануть к двери. Попытка жалкая и я сама чувствую, как нелепо двигаюсь, будто в вязком сне.

Хочу проскочить мимо него, даже взгляд не поднимаю, лишь бы не видеть его глаза...

Но он двигается быстрее. Шаги его глухие и уверенные. А мой бег видимо не предусмотрен судьбой.

Он оказывается рядом быстрее, чем я успеваю моргнуть. Слишком близко.

И я замираю. Просто потому что дальше отступить некуда

за спиной дверь, а передо мной он.

— Я тебя не отпускал. — низко дрожит над самым ухом.

По коже мурашки, холод и жар одновременно. И страх такой острый, что кажется, ребра стягивает.

Я резко оборачиваюсь, выдёргиваю руку, но отступить некуда, потому что за спиной холодная дверь.

— Отпусти, — голос срывается, чертовски не вовремя. — Я не собираюсь здесь оставаться. Я... я не знала, что это ты.

Он медленно отодвигает ладонь, но не делает и шага назад. Стоит так близко, что я чувствую его дыхание, запах его парфюма — резкий, манящий, такой... его. От которого меня и тянет, и бесит одновременно.

— Теперь знаешь, — тихо бросает он, наклоняясь ближе, но не трогая меня. — И что? Боишься?

— Нет! — выпаливаю слишком быстро и громко.

Он смотрит на меня, как на что-то интересное.

Как будто я игрушка, которая неожиданно заартачилась. Его лицо спокойное, уверенное. Ухмылка наглая.

Какой же псих.

Самоуверенный псих, который считает, что люди существуют, чтобы выполнять его желания.

— Посмотри на меня, — спокойно говорит он.

Смотрю в пол, сжав зубы. Не дам ему этого. Да ни за что.

— Полина, — голос становится ниже, и от этой низкой хрипотцы у меня по спине ледяной вал. — Посмотри. На. Меня.

И я как идиотка поднимаю глаза. Но сама не понимаю, как он заставляет это сделать.

Его взгляд цепляет как крюк. Он тянет меня, удерживает.
— Я не собираюсь тебя трогать, — произносит он негромко, но твердо.

Да уж. После лифта смешно звучит.

Я делаю короткий выдох, но он тут же добавляет:

—Пока ты сама этого не захочешь.—его желваки ходят, а меня будто мороз по коже обдаёт.

А я никогда не захочу, придурок. Так и тянет выпалить. И почему сердце так стучит? Чёртово тело, предатель.

—А ты захочешь!— произносит, будто точку ставит.

Ага, прям бегу и падаю—добавляет внутренний голос.

Он делает полшага ближе, почти незаметно, но я чувствую как воздух между нами становится густым, как сироп.

Дышать тяжело.

Мозг кричит: «Беги!»

Тело шепчет: «Стой...»

Я сглатываю. Мне хочется одновременно ударить его и... провалиться куда-то под пол.

А где-то на краю сознания вспыхивает мысль «А как же Данька?». Его препараты и дорогие уколы.

Мне нужно заработать. Ради него. А судьба как будто решила поиздеваться.

Его тень накрывает меня, и я будто ещё меньше становлюсь.

Смешно, я же сюда пришла зарабатывать, быть взрослой...

А сейчас стою как испуганный подросток перед учителем.

Он резко разворачивается и идет к своему столу, создавая между нами расстояние, и только это позволяет мне вдохнуть нормально.

— На столе Виктории остались папки. Принеси их мне. И возьми блокнот с ручкой. Вернёшься — начнём.

Мой мозг спотыкается.

Что это было? Он переключился на деловой режим так, будто пару секунд назад не загонял меня в угол.

Я сжимаю губы, пытаюсь унять дрожь в руках.

Хочу ему сказать всё, что думаю, но слова застревают.

Мужчина садится за стол и приподнимает на меня свой жгучий взгляд:

— Работу начинай, синичка.

И почему-то от этой фразы становится ещё страшнее...

Глава 9

Возвращаюсь в кабинет все такая же дрожащая, как и выходила.

Взяла папки, блокнот, ручку, все как он сказал. А чувство иду как на расстрел. Держу всё крепко, чтобы ладони не тряслись, но бумага всё равно дрожит.

Подхожу к столу, кладу всё перед собой и опускаюсь на стул, даже не поднимая на него глаза.

Кажется если посмотрю, то снова накроет эта волна паники и сердце точно из груди выскочит.

Воздух в кабинете как будто стал гуще. Не знаю, то ли это от моего страха или его проклятый парфюм, который разлетается по кабинету так, будто специально залезает мне под кожу.

Запах резкий и почти неуловимый... но уже слишком узнаваемый для меня.

Как бы я ни делала вид, что смотрю только на свои папки, краем глаза всё равно вижу его.

Мужчина сидит в своём кресле. Расслабленно, чуть откинувшись назад. Одна рука на подлокотнике, другая держит какие-то бумаги.

Его взгляд прожигает меня. И я это чувствую, как будто на кожу светят тёплым прожектором.

Стараюсь держать спину ровно, но она все равно подра-

гивает. Черт.

Я здесь для работы. Работа — это безопасно, стараюсь внушить себе. Но от этого ни капли не легче.

— Возьми верхнюю папку, — слышу его голос. Чёткий и уверенный до наглости.

Я подчиняюсь и быстро открываю ее.

— Туда подшиты отчёты по поставкам за прошлый квартал, — продолжает он. — Изучи. Завтра нам понадобятся эти цифры.

Киваю, параллельно записывая в блокнот название папки, дату и делаю пометку.

Мне кажется он смотрит не то что я пишу, не на блокнот—нет. Он не сводит глаз с моей шеи, или с моей дрожащей руки.

Скользит по мне взглядом, будто лезвием проходится по коже, но не режет. Только касается. Играет. Горло перехватывает, но стараюсь удержаться.

— И ещё листай дальше,—я тут же перелистываю страницу. — Во второй вкладке список документов, — говорит он. — Их нужно поднять из архива. Я скажу номера.

Я послушно записываю, так и не подняв на него глаза. И тут его голос меня бьёт:

— Ниже наклонись. Я сказал — вторая вкладка.

Я вздрагиваю. Он говорит обычную вещь, но этот тон...

Боже, мне надо выдохнуть. Я сглатываю. Всё же вроде нормально. Он ведь обещал, что не тронет. Как заморожен-

ная наклоняюсь чуть ближе к папке и смотрю на бумаги.

— Вот так, — тихо добавляет он уже почти себе под нос. Но я слышу.

А почему я собственно наклоняюсь? Тут же выравниваю спину, понимая что он на самом деле хотел рассмотреть. Вот же извращенец.

Чувствую, как жар поднимается к ушам. Так и стараюсь не смотреть в его сторону, но всё равно ощущаю его заинтересованность. Он это делает слишком явно. Слишком нагло.

А мне это совсем не нужно . Мне нужны деньги, работа нужна. Господи, как бы я ни пыталась держать себя в руках , в голове мелькает только мысль «Возьми себя в руки, Поля. Ты не можешь уйти!»

Мне хочется ударить себя по щекам, чтобы хоть немного прийти в себя. Потому что он чувствует страх, который я испытываю рядом с ним. Он считывает его. И играет.

Из мыслей выныриваю когда мне снова прилетает команда спокойным и даже каким-то животным голосом:

— Переверни следующую страницу.

Переворачиваю.

— Что, хочешь оказаться на этом столе, синичка?

У меня перехватывает дыхание, ручка из моих рук почти падает. Я ведь просто засмотрелась. Ушла в свои мысли.

Да, он издевается.

— Я... я не... — начинаю лепетать. — Я просто изучаю рабочее место.

Он усмехается и это короче чем смех, но почему—то так сильно влияет.

Стул тихо скрипит, а он чуть подается вперед.

— Ну давай, продолжай, — говорит легко. — Рабочее место изучай.—произносит играючи. Он не прикасается—нет, но давит каждым взглядом, каждым словом, и этими дики-ми жестами.

Продолжаю писать, делая вид, что мне всё равно. Но дыхание сбивается всё-таки.

Проходит пара минут в молчании. Я уже почти успокаиваюсь, когда он добавляет:

— Завтра встречаемся с моим старым знакомым, Мурадом Гасановым. Очень важный поставщик. Мне необходимы все документы по южному складу . И подготовь протокол встречи,—слышу щелчок, а затем и звук воды. Видимо открыл какую-то бутылку.

Я записываю и только потом слышу его шаги.

Шаг замедляется и я ощущаю его за спиной. На автомате выравниваюсь. Желудок падает вниз. Не то что, не поворачиваюсь, я даже дышать перестаю.

— Воды хочешь, синичка? — шепчет прямо у уха, и тепло его дыхания заставляет меня вздрогнуть. —А то откинешься раньше времени.

Я чуть не подпрыгиваю на стуле. Сердце уже где-то в пятках. Не нужна мне никакая вода.

— П...пожалуйста... держите дистанцию, вы мой началь-

ник... — только и вырывается.

Он тихо ухмыляется, низко, почти приглушённо, и это одновременно раздражает и завораживает.

— Дистанцию... — повторяет, будто примеряет это слово на вкус. — Хорошо. Играем дальше.

Слышу как мужчина отходит назад. Воздух действительно становится легче, но совсем немного. На миг.

Я хватаю ручку крепче, делаю вид, что продолжаю писать, но пальцы всё равно дрожат. А сердце то ли бьётся, то ли просто нестабильно подпрыгивает.

Он обходит стол и садится обратно в своё кресло, так спокойно, будто мы здесь вдвоём не воздух режем нервами, а кофе пьём.

Но только теперь я чувствую его взгляд открытый и обжигающий кожу.

Так лениво даже не скрываясь, разглядывает моё тело, словно оголяет и от этого по коже мурашки, как от холодного ветра, хотя в кабинете тепло.

Я делаю вид, что перечитываю свои записи, но строк не вижу. Всё плывёт.

И вот он вдруг спокойно, совсем буднично бросает:

— Да ты сейчас вспыхнешь, синичка.

Я моргаю.

— Краснеешь как рак на гриле.— все продолжает забавляться надо мной.

У меня перехватывает дыхание. Горит всё: лицо, уши, да-

же ключицы, кажется.

— Я... я не краснею! — выпаливаю слишком резко.

И, конечно же, автоматически хватаюсь руками за щёки. Блин, ну зачем он издевается?

Ненавижу, что он это замечает. Ненавижу, что сама краснею как школьница.

Тихо смеётся. Коротко, от его похабных ухмылок в животе всё сжимается, будто от удара.

Я зажмуриваюсь на секунду, чтобы собрать себя обратно в кучу.

Но он не останавливается. Ему явно нравится, что я теряюсь.

— Интересно... ты везде такая красная? — тянет, медленным голосом.

Дыхание на секунду ломается, но я собираю остатки достоинства и всё-таки смотрю на него. Прямо в глаза, придурку.

— Вы об этом никогда не узнаете, — стараюсь говорить уверенно, хотя какая там уверенность в моем состоянии.

Рустам замирает на миг, а потом его взгляд становится тёмнее. Да что там темнее, чернее. Брови сходятся к переносице, а желваки под кожей ходят ходуном.

— Ещё как узнаю, — говорит, как режет. — Сама будешь умолять, чтоб я тебе всадил. И добавки просить.

Господи.

Я чуть не опрокидываю блокнот. Какой же он... придур-

рок. Зверь в человеческом облиии. Да кто так вообще делает? Держусь из последних сил.

Руки под стол опускаю, кулаки сжимаю. Тянет просто встать и выйти.

Я делаю короткий вдох, чтобы не сорваться, и, глядя куда-то в папки, выдавливаю:

— У вас всё?... Могу идти в приёмную? — произношу дрожащим голосом. Хоть как-то.

На столе звенит телефон и он отвлекается, переводя взгляд на экран.

Мужчина кротно мне кивает и берет трубку в руку.

Фух. Резко встаю, стул чуть скрипит и, не оглядываясь, почти бегу к двери.

Сейчас просто нужно вдохнуть нормальный воздух, который не пахнет им и не заставляет сердце выпрыгивать из грудной клетки.

Ручка двери холодная, почти ледяная — или это мои пальцы такие.

Сволочь.

Ну вот правда — сволочь.

Всё ополтит, всё повернёт так, чтобы сбить меня с толку. Ему явно нравилось смотреть, как я краснею, как путаюсь, как дрожу.

Он будто специально давил, медленно, точно, как профессионал, который знает, куда нажать, чтобы человек потерял опору.

Вылетаю в коридор, прикрываю за собой дверь и только тогда делаю большой, нормальный вдох...

Глава 10

Первый рабочий день наконец-то закончился. И это было лучшее, что случилось со мной за сегодня.

Я буквально вылетаю из офиса, будто за мной пожар, полиция и стая бешеных собак сразу. Главное не столкнуться со своим адским боссом.

Потому что если ещё раз поймаю этот взгляд, то либо закричу, либо расплачусь, либо и то и другое сразу перед людьми.

После ударной дозы зрительного контакта в его кабинете остаток дня я провела в архиве, выискивая те самые документы, которые он сказал найти для встречи.

И, честно, это было самое безопасное место за сегодня. Я вздрагивала от каждого шороха.

Каждый раз, когда где-то хлопала дверь, я уже представляла, как он стоит за моей спиной, скрещивает руки на груди и говорит своим опасно-спокойным голосом: «Ну что, синичка, скучала?»

Нет. Не скучала. Ни одной секундошки.

Руки дрожали, но я заставляла себя разбирать документы аккуратно. Не потому что я такая старательная. А потому что на страхе удобно маскировать усердие.

Я даже поймала себя на том, что прислушиваюсь к тишине.

И он так и не пришёл.

Слава. Тебе. Господи.

К концу дня я уже вся была как пружина натянутая, уставшая и злая. На него, на себя, на свою жизнь и на то, что мне почему-то достались самые странные декорации для спокойной студенческой практики. Но я выдержала.

Я уже почти подошла к остановке, как телефон в руках завибрировал. Смотрю на экран — Ева.

Сердце сразу мягче стало. У неё же скоро роды, вдруг что-то случилось.

— Привет! — отвечаю быстро. — Хорошо, что позвонила.

И улыбаюсь, хотя знаю она меня всё равно не видит. Но голос её слышу и уже легче.

— Поль, привет. Ты занята? — тянет она каким-то подозрительно весёлым тоном.

— Нет, — вздыхаю. — Только вышла из офиса, топаю домой. Что случилось?

— Да всё нормально, — говорит. — Мы с Демьяном в офис Рустама заехали, у них там свои мужские переговоры. А я в кафешке через дорогу сижу. Заходи, а? Выпьем чаю, поболтаем. А то с этой твоей практикой я забыла как ты выглядишь уже.

На секунду зависаю.

Она знает. Конечно знает. Я ведь ничего не говорила, просто не успела сказать о том где именно прохожу практику.

Значит он рассказал.

Интересно, а про «дыхание мне в ухо» он тоже поделился? Или это только для моего личного нервного срыва?

— Хорошо, — говорю вслух спокойнее, чем чувствую внутри. — Иду.

Сбрасываю вызов и разворачиваюсь.

Дохожу до кафе буквально за три минуты. Захожу внутрь и сразу начинаю искать её глазами. Ева сидит у окна, вся такая солнечная, нежная.

Белое вязаное платье, мягкое, воздушное. Беременность ей правда к лицу. Подруга стала чуть круглее, мягче, как будто вся из тепла и света создана.

Вообще она очень изменилась в браке с Демьяном, стала более счастливой. Женская энергия так и лучится.

Увидев меня, она встаёт, и под облегающим платьем сразу заметен округлившийся животик.

— Ну наконец-то, — улыбается. — А то с твоей работой мы бы встретились уже после моих родов.

— Да некогда, Ев, — выдыхаю, падая на кресло напротив. — Сейчас такое время... Ты же знаешь деньги нужны. Это мой шанс помочь семье. И я просто не могу его упустить.

Она смотрит так, что у меня внутри сразу что-то сжимается. Она всё знает. Про брата и про то, как мы сейчас выкручиваемся.

— Поль, я тебе дам денег на уколы, — тихо говорит она и тянется к сумке.

Я сразу качаю головой.

— Нет, я не приму. Я для чего на работу пошла? Для того чтобы самой заработать, а не у кого-то просить. Все хорошо, мы справляемся.—Мы с Евой очень близки, и чтобы у нас не случилось мы всегда поможем друг другу. Но я просто не хочу ее в это втягивать, тем более зная что скоро появится малыш.

Она вздыхает, но не давит.

— Ну тогда давай я хотя бы попрошу Демьяна поговорить с Рустамом, чтобы тебе зарплату подняли.

Вот этого мне только не хватало.

— Нет! — резко. Слишком резко. И тут же мягче добавляю: — Не нужно. Правда. Там хорошо платят.

Не хватало того, чтобы кто-то еще за меня просил.

Ева чуть наклоняется ко мне через стол и говорит тише, как будто делится секретом:

— Слушай... я вчера разговор Демьяна и Рустама слышала. У меня внутри тут же неприятно ёкает.

— Рустам сказал, что ты у него в офисе теперь практику проходишь.

Я машинально сжимаю кулачки под столом.

— Ты ж сама говорила, что там начальник — деспот, — продолжает Ева осторожно. — Как ты вообще на это согласилась? И... — прищуривается, — вы же вроде с Рустамом друг друга не перевариваете.

Вот тут меня и повело.

В голове вспыхивают откровенные картинки . Лифт. Машина. Кабинет.

Его взгляд. Его руки. Мое прерывистое дыхание. Слишком близко. Слишком грубо.

И как это вообще можно сказать беременной подруге, которая вот-вот родит?

Ну как сказать: «Друг твоего мужа больной на голову, лез ко мне, когда я отбивалась»?

Я отвожу взгляд, делаю вид, что думаю.

— Да это... — пожимаю плечами. — Слухи из другого отдела были. Говорят же всегда всякое. Он... ну, строгий, да. Требовательный. Но... — делаю вид, что подбираю слова, — ничего себе не позволяет.

Боже, как мерзко это звучит.

— Наоборот, — добавляю поспешно, — сказал, что хорошую характеристику напишет. И платить будут нормально. Для практики вообще отлично.

Ева смотрит слишком внимательно, будто сканирует.

Потом вдруг улыбается мягко, но с огоньком.

— Ну смотри, — говорит и шутливо сжимает кулачок. — Если он тебя хоть как-то обижает — скажи мне. Я ему покажу.

И машет своим маленьким, почти игрушечным кулаком в воздухе. Я не выдерживаю и улыбаюсь тоже, хотя на душе совсем не радостно.

Если бы она только знала, какой он на самом деле, и чем

мне придется расплачиваться за его доброту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.